

ДНЕВНИКИ

[ДНЕВНИК. МАЙ 1848 г.]

В конце апреля 1848 г. сказал мне Василий Петрович Лободовский, что он женится; невеста — дочь станционного смотрителя на первой станции по Московской дороге (Средняя Рогатка) Егора Гавриловича, Надежда Егоровна.

«Это девушка, — говорит он, — молоденькая, полная, румяная, но, мне кажется, не отличается особым умом; добрая, будет меня любить и будет, конечно, верна до несомненности, но я не буду, кажется, в состоянии любить ее и разделять ее чувствований, потому что девушка простая, которую едва ли можно будет образовывать, и верно я не буду с нею счастлив; ее сделать счастливой постараюсь; главная причина жениться: это существо, которое я буду обязан сделать счастливым, будет для меня необходимым побуждением к деятельности, заставит меня выйти из той беспечности, к которой я привык, принудит и определить мое положение в обществе, и обеспечить его и материально и нравственно; заставит думать и о деньгах, и о службе, и об ученой степени, развернуть внутреннюю деятельность, которая может действовать чрезвычайно энергически, но слишком беспечна. Но родители мои? Эта девушка так проста и ограничена, что я буду стыдиться ее перед своими родителями и сестрами, которые несравненно выше ее. Что делать? Я буду скрывать перед ними и всеми это как можно долее; когда нельзя будет скрыть, напишу; ездить к ним буду один, без нее; а старшая сестра (это превосходная, но выше своего состояния и женихов девушка, которая поэтому должна остаться незамужнею) пишет мне, что если умрут родители, она не будет жить у зятьев, которые не могут понимать ее и от которых она слышала уж несколько чрезвычайно для нее оскорбительных слов (ты слишком горда, и вот не выйдешь замуж), и будет жить у меня, говорит: «не правда ли, ты без меня не женишься?» А что теперь делать? Как показать ей мою жену? А я ее так люблю! И сохрани бог, если умрет отец, — что делать, как быть — я не знаю, с сестрою этою и матерью?» (О, как он любит семейство свое!) «Жена не будет знать ничего, я буду стараться сделать ее счастливой, а сам — ну, шутя со мною выйдет что-нибудь нехорошее — шутя и запьешь с отчаяния. А у нее есть сестра замужем,

это существо милое, которое я мог бы любить; муж у нее чиновник, совершенно истощенный; она поглядывает на меня неравнодушно; боюсь, как бы чего не вышло. Стану реже видаться с нею. Хотя другим она кажется хуже ее, но у нее есть выражение в лице, которого у моей нет». — Он был в ужасном положении.

Ездит на Рогатку, предубеждение против ума невесты в нем делается все менее и менее. Раз, через три-четыре дня, говорит: «Эта девушка вовсе не так глупа, как я думал; она перестает меня дичиться, и ныне я провел у них вечер не так, как раньше, — вовсе непринужденно, весело; она была так резва, мы играли, я целовал ее, и физическая сторона даже волновалась, но сердце было совершенно спокойно». Дня через три еще: «Она так несвязана и будет любить меня; мне было бы жалко теперь убить ее отказом, я не могу не кончить дела. А между тем я совершенно равнодушен, и если пробудилась во мне, то только физическая сторона». После обручения был и говорит: «Во время обручения у меня физическая природа взяла свое, шевелилась, но больше ничего. А для этого употребления она чрезвычайно хороша, но это чувство совершенно физическое; и я готов был бы употребить ее теперь, пожалуй».

При каждом новом свидании со мной он лучше отзывается о ней с умственной стороны, успокаивается; через четыре или пять дней после обручения говорит: «Может быть, я и привяжусь после к ней за ее любовь ко мне; она так будет любить меня, что, может быть, я буду не несчастлив с нею; но мои домашние? Ах, бог мой, как бы мне хотелось повидаться с ними, а это, может быть, препятствие будет». — На следующий раз говорит: «Ну, эта девушка ничего, ее, может быть, можно будет образовать; старший зять, слава богу, уезжает через месяц и этой опасности я избегаю. Я месяца через три после свадьбы напишу своим».

Когда он не хотел писать, его ужасно беспокоило, что это может само собой дойти до родных: отца, говорит, это убьет. Старался скрыть от всех, особенно от Ивана Васильевича Писарева, который жил тогда на одной квартире со мной: «Этот, говорит, человек не может удерживать языка, тотчас расскажет свите Иннокентия Харьковского (который тогда был здесь членом синода), и тотчас это разнесется по харьковской епархии; даже и через Илиодора Курского свиту может дойти до Харькова. Как бы это сделать, чтобы не было известно? Не стану показываться с нею нигде, где могу встретиться с Иваном Васильевичем. От Задеманов скрою». — Наконец, открывает Ивану Васильевичу (Иннокентий переведен в Одессу и на время поехал туда, отпустивши харьковцев; Илиодор тоже собирается уезжать совершенно и уехал в самый день свадьбы, 18 мая), просит его быть шафером у него и свидетелем. Ив. Вас. немного поломался, согласился, почти не сделавши возражений и увещаний не жениться; только раз, встретившись с ним, говорит: «Я не хочу вас убеждать, но одумайтесь». Это ужасно взбесило Василия Петровича, который шел ко мне: «Я, говорит, едва его не выругал; ах, какой пошлый и пустой человек».

Дня за два перед свадьбою (кажется, в пятницу был он, а в субботу рассказывал утром мне) говорит: «Ну, я был там,—приготавливали и укладывали приданое, была идиллическая сцена, невеста плакала и так плакала, что я даже был расстроен и расстроган и сам плакал; а, чорт возьми, я тяжел до слез и чорт знает, сколько уж времени не плакал. Нет, она не так ограничена, как я думал. Я напишу как можно скорее своим».

В субботу я готовился к экзамену, утро воскресенья тоже, в 4 часа он к нам; мы оделись, к свахе поехали,—она не готова; мы к нему — он одевался, я тоже переоделся у него; сваха приехала, мы поехали. Въехали в гостиницу, содержатель и содержательница были у него посаженные отец и мать, благословили; он в церковь, Ив. Вас. с ним, я пошел в комнаты невестина отца. Там сидели 8—9 девушек, между ними мне более показалась хороша одна, черноволосая, с розовыми розанами в волосах, и другая белокурая, под вуалью, к которой часто подходил сказать несколько слов отец. Это была невеста; я думал, что ее здесь нет; сидели минут двадцать при мне, все молчали решительно. Вдруг встали, вошли отец и мать, которые сидели в другой комнате, взяли образ и хлеб с солью, подошла невеста, перекрестилась, отец благословил образ, мать — хлебом; она сдерживалась; переменились,—отец взял хлеб, мать — образ и стали благословлять; она не могла почти удерживаться, начинала рыдать, когда благословлял отец, и уже решительно не могла удержаться, когда стала [благословлять] мать; я сам не мог удержаться от слез. Это была девушка полная, с круглым благородным лицом, несколько напоминавшим лицо г-жи Альбинской: широкий лоб, правильно очерченный нос и подбородок, прекрасная шея и голубые глаза; но здесь я не мог хорошо еще рассмотреть ее, потому что более смотрел на черноволосую, которая сидела лучше относительно меня: я сидел у дверей, они против меня у окна, невеста совершенно напротив и потому ее лицо было совершенно почти нельзя различить, черноволосая в сторону, и когда немного оборачивалась, в окне обрисовывался ее профиль. Когда стали благословлять, она, конечно, стояла задом почти ко мне; только когда пошла после мимо меня (я стоял у дверей), я мог взглянуть на нее, но она рыдала и закрывалась платком, нельзя было хорошо видеть. Мы поехали в церковь; я с отцом ее последние, в коляске, одни.

Когда венчали, я все смотрел на них обоих, и она мне казалась лучше и лучше. Вас. Петр. стоял, казалось, спокойно, а между тем, — говорил после, — дрожал, как в лихорадке (я этого не заметил). Меня предупредило в ее пользу благородство и тонкость, с которою она старалась держаться перед благословением, когда сидела, и во время благословения держалась спокойною и то, что даже в то самое время, как чувство превозмогло ее, она так мило и благородно держалась,—естественная, как мне казалось, грация и благородство; и то же самое во время венчания. Все время венчания я смотрел на них, любовался ею; теперь ближе и лучше взгля-

нул на черноволосую, которая раньше казалась мне лучше, и увидел, что по выражению лица, т.-е. вообще вблизи, когда видно не одни общие контуры, которые у нее весьма благородны, далеко ниже Надежды Егоровны, у которой контуры все так благородны, правильны и вместе с полнотою лица так изящны и тонки (хоть Ив. Вас. говорит, что у нее простое лицо без всякого выражения), и кроме того, лицо имеет такое тихое, даже в этом бурном состоянии, такое отрадное и вместе глубоко нежное выражение.

Выходя из церкви, я был радостен сердцем, и когда мы шли с Ив. Вас. и свахой вместе, я отпустил несколько фраз свахе, что она может гордиться этим делом и Вас. Петр. много обязан ей. Несколько минут мы должны были ждать коляски, между тем как другие все уехали; мы приехали таким образом с отцом ее и Ив. Вас., когда все другие уже поздравляли молодых; нам подали бокалы, мы подошли и поздравили. Свадьба была в 8 часов, мы просидели до 11. В продолжение этих трех часов Вас. Петр. несколько раз, подходя на несколько минут ко мне, говорил, что думает, что привяжется к ней тихою, спокойной любовью и будет с нею счастлив. «Я, говорит, рассказал ей о наших отношениях с вами». Это меня порадовало. Когда они ходили вместе, в каждом взгляде, в каждом движении ее (они большей частью ходили и стояли под ручку) высказывалось такое нежное чувство к нему, что я почти не сводил глаз с нее, когда не говорил с Ив. Вас. или отцом ее, — меня радовало это милое, нежное, благородное существо. Проходя мимо меня, она несколько раз смотрела на меня, и каждый взгляд этот необыкновенно радовал, или как это сказать, меня, — так чувствовал, не в голове, а в сердце, какую-то полноту, чрезвычайно приятную: мне казалось хорошо, если я буду пользоваться расположением Надежды Егоровны.

«Я нашел вашу супругу совершенно не такою, как ожидал, судя по вашим словам», — сказал я тут (почти как только воротился из церкви) Василию Петровичу. — «Мне кажется, что — конечно, она не говорила со мною ни слова, но сколько я могу судить по физиономии, по широкому открытому лбу, который так прекрасен, — что Надежда Егоровна не может не быть девушка с большим умом, вовсе не ограниченная, как думали вы, а напротив». — «Мне кажется, что я привяжусь к ней от души и буду сильно любить ее». — «Я радуюсь за вас».

Она держалась чрезвычайно свободно, непринужденно. Старшая сестра мне тоже понравилась, но менее; тогда я не мог сказать хорошо почему, потому что не видел хорошо и вблизи ее, но точно: тонкое, умное лицо (когда я был во вторник у них, я больше рассматривал Ольгу Егоровну и увидел, что мне не нравится положение ее глаз, которые сами хороши и выразительны, особенно эта часть лица под глазами, и то, что нижняя часть лица уходит слишком быстро назад и черты нижней части лица слишком тонки).

Он говорит: «Мне она теперь кажется хороша и вовсе не глупа, не ограничена, но сердце мое еще совершенно спокойно». При-

знаюсь, мне было чрезвычайно приятно, когда она остановила свои глаза на мне, потому что мне хотелось бы быть не чужим у них (дай бог, чтобы они были счастливы).

В 11 часов мы уехали. Вас. Петр. хотел быть у меня во вторник и взять к себе. Дорогою мы говорили о различных пустяках с Ив. Вас. Я приехал, лег спать — сердце мое было полно радости. Я заснул через полчаса (в час) и уже не помню, что мне снилось, но должно быть приятное (не такое, что бы возбудило поллюцию), потому что я встал весьма радостен и жалел, что Фишеров экзамен помешает мне пробыть у них все время. Пришедши на экзамен к Фишеру, я был так переполнен этим чувством, что не мог удержаться и стал говорить об этом с Корелкиным, хотя вовсе он не кажется мне человеком, с которым я любил бы делить чувства по симпатии, а просто некому сказать, так буду говорить и с кем бы то ни было, хоть сам с собою. Пообедавши дома в самом лучшем расположении духа, я до 5 часов просидел дома, после пошел к Славинскому, где говорил с большим жаром о политике и новых началах и идеях, проповедуемых в Западной Европе, — говорил оттого, что сердце было полно и хотелось поэтому говорить.

В 9 часов воротился домой, и вечер понедельника провел в самом приятном, сладком расположении духа, так что писать когда стал своим, начал было с жару писать об этой свадьбе, но, конечно, тотчас бросил и начал другое письмо; начало этого прежнего цело.

Утром был у Ворониных, после в почтамте, после у Тушева и Корелкина, после переписывал Кутормины лекции, на которых я не был, после отправился к Фурсову за шинелью. Эти вещи не дали мне сосредоточиться поутру, и я развлекся. Так в 4 часа воротился я домой от Фурсова во вторник; дорогою стал сосредоточиваться и снова явилась радость. В половине 6-го пришел Вас. Петр., говорит: «Моя жена до сих пор девушка; боится; во мне большая перемена нравственная, — это существо вовсе не такое ограниченное, как я думал; напротив того, в ней много ума, весьма много, и чрезвычайно много естественного благородства во всем, даже в манерах (это я-то заметил и в день свадьбы), и она будет иметь на меня чрезвычайное влияние, я с нею буду счастлив, она чрезвычайно любит меня; правда, она не образована, но этому легко пособить, у нее большие способности, и она весьма мила; я ее буду любить и теперь равнодушен. Начинаю быть деятельным».

Это все вместе меня весьма обрадовало: во-первых, что он будет счастлив, она тоже. Во-вторых, что, несмотря на то, что теперь любит ее и любит не только с физической стороны, как раньше, он говорит мне вещи такие, как что она еще девушка, — это показало мне ручательством за то, что он действительно расположен ко мне; однако я сказал: «Вы не должны говорить ни другим кому, ни мне вещи такой, что, например, она еще девушка: после, может быть, вам самому будет неловко смотреть на человека, которому вы сказали это и так доверялись».

Я нашел, что привязан к нему несравненно больше, чем думал, потому что эти вещи так могут занимать меня, что я думаю о них почти так же и сильно, и постоянно, как думал раньше о себе и своем изобретении¹ и о том, что я сосуд божий, и проч., — значит, я не так в сущности холоден ко всем, кроме себя, и не такой эгоист, как раньше думал; меня обрадовало и то, что физическая сторона во всех не так сильна, как обыкновенно думают, и что это поддерживает мое постоянное мнение о девушках, на которых, с одной стороны, я смотрю как-то слишком платонически и считаю их более, чем обыкновенно думают, доступными влиянию в обыденной жизни и выходе замуж других чувств, а не физической потребности любви. И как один из примеров и доказательств, что есть такие женщины и девушки, как я думаю про большую часть их (пока не увлекутся они испорченностью жизни и не охладят постепенно), мне стала мила Надежда Егоровна, мил и Василий Петрович, которые доказывают и служат примером моему взгляду на молодых людей.

С радостным сердцем я пошел к ним. Он зашел за женою к старшему зятю, мы остались с Ив. Вас. одни, и он говорит, что заметил сильную перемену в Вас. Петровиче: «Не хочет показывать только, а сильно недоволен своим делом». — Мне стало любопытно и смешно, и смешны эти узкие люди. Они вышли. Она шла свободно и легко, с грациею; мы шли сзади; я радовался на нее: как мила шейка сзади! (Но только мне кажется, что она, когда сидит, держит немного голову вперед, горбится в шее и должна умываться, чтобы не было веснушек: это когда я был во вторник у них.) Пришли. Она с милой детскостью впускала в комнату собачонку, мило спорила с Вас. Петр., который говорил, что собачонка мерзкая, что он купит хорошего щенка, чтобы она не причала эту быть в комнате. Так мила, непринужденна, нестесненно держит себя в своем новом положении, которое, конечно, должно быть чудно ей, что в ней должно быть много такта и естественной грации, которая должна привязать Василия Петровича. Приехал старший зять с женою, — и Вас. Петр. непринужденно держался со старшею дочерью, так что мне показалось, что теперь эта опасность исчезла, — и отец. Я большей частью смотрел на дочерей и рассматривал их, и младшая все более нравилась мне. Мне было приятно сидеть, и я, кажется, сделал, что мы после просидели часом больше, чем следовало, и утомил Надежду Егоровну — с $\frac{1}{2}$ 7-го до $\frac{3}{4}$ 10-го, $3\frac{1}{4}$ часа или $3\frac{1}{2}$. Не знаю, давно я не чувствовал такого тихого осчастливливающего удовольствия, как в этот вечер. Вас. Петр., кажется, привязан к ней и привязывается все больше и больше, шутит с ней, жалуется на нее — идиллия. Дай бог, чтоб было все хорошо. Воротившись, весь вечер и все утро, вот до самых этих пор, я был наполнен мыслью о них и счастлив тихим счастьем. Эх, хорошо иметь полное сердце. Это еще более дало мне почувствовать радости семейной жизни, — во всяком случае, как я воображаю и желаю ее всем. Дай бог.

Вас. Петр. хотел ныне (в среду), как говорил вчера, быть в университете, после у Залеманов и сказать им, он жалеет, что не сказал раньше, когда мать Залемана два раза сказала: «смотрите же, за мои хлопоты (о платье Вас. Петровичу) пригласите меня на свадьбу», после зайти ко мне (поутру все), после обеда ехать на Рожок для уроков.— 19 мая 1848 года, 11½—1 час. утра.

Это радостно для меня и потому, что уверяет меня, что я не такой негодяй, как думал и, может быть, имел раньше основание думать, что я способен питать чистую привязанность к посторонней девушке или молодой женщине, не думая ни о любви к ней, как обыкновенно понимают эту любовь, ни о тому подобном, а просто питать расположение к ней (как питаю его к своему приятелю за то, что это человек и человек с благородною и милою личностью), которое, конечно, обусловлено полом, как и самое это чувство: ведь сестру любишь не так, как отца, а не потому, что возбуждает бурные чувства. Я верно буду привязан после к ней и из-за нее самой, вместо того, чтобы быть привязанным из-за Вас. Петровича.

23 мая 1848 г. ¾ 6-го пополудни. Вот уже неделя, как женат Вас. Петр. Лободовский. Ныне весь день я его ждал к себе, потому что он вчера сказал мне, чтоб ехать ныне вместе к тестю его. Я не умею хорошенько сказать, что я теперь именно такое чувствую. Кончаются экзамены у нас, я постоянно думаю о нем с Надеждой Егоровной: этого со мною никогда не бывало, чтоб я думал о других так, как о себе; и это не оттого, что не занят: читаю записки, есть замыслы свои, едут Любинька с Иваном Григорьевичем, — это довольно интересные, кажется, предметы, а между тем я постоянно думаю о них, и мне хочется видаться с ними и чтоб он рассказывал мне о Над. Егор., и сердце постоянно как-то сжато от ожидания: чувство приятное, хотя есть несколько и стеснений, — они, кажется, оттого, что не знаю как-то [он] еще окончательно поймет характер и пр. Над. Егор. и, кроме того, как он будет доставать деньги. Это странно, я не думал, чтоб меня могли так интересовать другие. Я теперь пишу совершенно неприготовленный к восторженности, читал записки Куторги, после — несколько времени «Débats»², но все постоянно, правда, что я ни делаю, постоянно господствующая мысль у меня — они. Изложу теперешние свои мысли об этом.

Дружба ли это собственно к нему, или дружба к Над. Егор., или любовь к ней? Последнего я не думаю, потому что мне кажется, что — нет, не умею, как сказать: не то, чтоб она мне мало нравилась, — напротив, весьма: лицо, манеры, непринужденность, грация вообще; не то, чтоб я почитал себя неспособным или не готовым любить: другие скажут, что так, но я знаю, что я легко увлекаюсь и к мужчинам, а ведь к девушкам или вообще к женщинам мне не случалось никогда увлекаться (я говорю это в хорошем смысле, потому что если от физического настроения чувствую себя беспокойно, это не от лица, а от пола, и этого я сты-

жусь; напротив, это чувство мне мило и я питаю его); не то, что я мало знаю ее: конечно, я почти не говорил с нею, но Вас. Петр. сказывал мне довольно многое, — напр., как она заботится о нем, все время вертится около него, как на третий или четвертый день свадьбы он чувствовал себя нездоровым, не спал ночь (перед совершением окончательного действия, которое, кажется, было, на другой день), сказал ей об этом, после утомленный заснул: «просыпаюсь — она стоит подле меня на коленях и положила на меня свою голову». — Это на меня снова приятно подействовало. — Не умею сказать отчего, мне кажется, что это не любовь к ней.

Может быть, это льстит мое самолюбие, что молоденькая, милая девушка будет расположена ко мне не так, как, напр., любит меня сестра, ведь это будет не по привычке с ее стороны, а значит будет то, что во мне действительно есть хорошее сердце, что я не эгоист, ничего не внушающий. И кроме того, может быть, я так дик, что для меня имеет особую прелесть необыкновенности быть хорошу, быть откровенну (быть любиму, как брат) с молоденькою, милою, хорошенькою, может быть, если угодно, красавицею; я не знаю; может быть.

А может быть, это дружба к нему собственно, и все это происходит оттого, что я знаю, что если она не будет счастлива, он будет мучиться при своем благородном характере; а она не будет счастлива, если он не будет любить ее, а в этом деле (как говорит, не знаю, угадывание истинного, не знаю, самолюбие, Eigendünkel *) я могу много содействовать его любви к ней, и поэтому, хотя мне самому незаметно это, чувство долга и желание счастья ей (оно зависит от любви его), — т.-е. ему, потому что и он не выдержит со своим характером, если не сделает ее счастливою, — заставляет меня беспрестанно думать о ней, так ли точно она мила и добра и хороша, как бы мне хотелось и как бы должна быть для того, чтобы приковать его к себе, и желание, и надежда, и сомнение, эта полууверенность, в которой более уверенности, чем сомнения, занимает меня (пришел Ив. Вас., стали пить чай вместе, так прошло до $1\frac{1}{2}$ 10-го).

Это может быть, конечно, но этого мало, я не просто думаю о ней, а думаю с удовольствием; и, кроме того, признаюсь, теперь, когда я почти уверен в хороших последствиях этого дела, я гораздо больше думаю о супруге Василия Петровича, чем думал о ней или о нем тогда, когда он бывал у меня расстроенный перед свадьбою; а тогда, если б это было одно чувство дружбы к нему, я должен был бы гораздо более думать о нем, между тем как тогда я думал о нем, как всегда думаю о другом человеке, которого, правда, люблю, но все же не как себя (хотя, может быть, для него и готов бы сделать больше, чем для нее), — так, как теперь думаю о Промптове, — минутами, когда вздумается; а теперь я думаю об этом постоянно.

* Самомнение.

Да вообще, может быть, я могу иметь влияние (он говорит это), тем, что буду хвалить или нет ее, — я поэтому сильно интересуюсь своим мнением о ней, и мне хочется, чтобы оно было лучше как можно — так *à force de forger** и выходит, что я постоянно и все думаю о Над. Егор., и думаю с любовью к нему и к ней и поэтому с наслаждением. — Может быть.

Вообще все это есть понемногу, не могу сказать, что именно в какой степени участвует здесь, но что-нибудь одно из трех, другие чувствования не могли бы иметь такого сильного действия на меня, ведь постоянно я думаю. Или я слишком люблю Вас. Петр. и через него думаю о ней, надеясь теперь от нее счастья для него, люблю ее; или во мне развивается склонность к Над. Егор. (может быть, братская, может быть, нет, о последнем я не думаю, а что, если?), или это чисто самолюбие, что вот я стану братом по *Wahlverwandschaft*** молоденькой, хорошенькой, чистой девушки; нет, во мне могло родиться это и оттого, что я предполагаю эту душу чистою и милою, как я всегда склонен думать о девушках и вообще о людях, пока они не испорчены.

Одно могу сказать, — что теперь мои мысли о ней так чисты, что я даже не предполагал в себе способности так свято и чисто думать о женском существе, привлекательном по внешности. Например, бывали поллюции (хоть ныне была), я весь вечер и как просыпаюсь думаю о Над. Ег. и, слава богу, я не видел ничего относящегося к ней в это время и с Вас. Петр. ее, например, в иных положениях, и я думаю об этом так безмятежно, как никогда не думывал.

Вот что еще: из этого серьезно, может быть, выйдет, что я стану сближаться с существами другого пола, которые будут и всегда чисты, и привлекательны по душе; может быть, из этого выйдет перемена моего характера, и, кажется, я довольно чувствую в себе что-то похожее на понимание сладости любить в смысле любви к возлюбленной, между тем как раньше я серьезно не думал об этом: бредни были физические, а потребности любить не было.

Дай бог, чтоб я мог всегда так же спокойно, ясно, без упрека в тайных нечистых помыслах смотреть на Надежду Егоровну, как не могу я смотреть на многих других, — например, Любиньку (боже, какой мерзавец!).

Меня тянет видиться с ним, слушать его; видеть ее или нет — все равно почти.

Иногда мне кажется, что я, может быть, заставляю себя думать о ней потому, что это льстит мне, потому, что тогда я могу представлять себя хорошим человеком — а сам по себе немного думал бы. — Нет, само собою думается, — странно. Дай бог, чтобы оставалось это в таком направлении, как эти дни, все до сих пор.

* В силу этого.

** Сродство душ.

Не так ли это: всегда я склонен — может быть, потому, что дурен слишком сам (сколько за мною тайных мерзостей, которых никто не предполагает, например, разглядывание (?) во время сна у детей (?) и сестры и проч., то же после у наших служанок и проч.*), судить о других не по тому, каков я сам, а по тому, каковым бы мне хотелось быть и каковым быть было бы легко, если бы не мерзкая слабость воли, это *laissez faire***, которого, как я думаю, нет у других, — я не хочу оскорблять человечество, судя о нем по себе вообще, а сужу о нем не по цепи всей своей жизни, а только по некоторым моментам ее, когда бываю доступен чувствованиям высшим; поэтому я готов все видеть в свете той неисторичности, какую я желал бы иметь сам; кроме того, я смотрю с серьезной точки зрения на все положения и всегда считаю высоким человека, если замечаю в нем что-нибудь такое, — напр., всегда отец священен в моих глазах, всегда священны муж и жена, — поэтому я способен увлечься энтузиазмом и с этой своей идеальной точки зрения смотрю на это — и на Надежду Егоровну.

ДНЕВНИК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1848 ГОДА

(с 12 июля до 31 декабря)

И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1849

(до 11 июля)

21 год моей жизни.

12 июля 1848, 2 часа ночи. — Встал, стал до чая разрезать летопись Нестора (завещание Мономаха), дорезал; за чаем читал «Débats» 15 июня, где Леру говорит о колонизации Африки. Над ним смеются в палате и «Débats», — это уяснило мне, что это за люди: они так же ограничены, как и мы, так же точно не могут понять ничего, что не вдолблено им, и все новое кажется им смешной нелепостью; но эти задолбленные понятия у них все-таки лучше и выше тех, которые задалбливают у нас.

После чая пошел к Славинскому собственно для того, чтобы высказать, что я не напишу Срезневскому, — это намерение принял я, когда услышал от Вас. Петр. о мнении товарищей, и был так счастлив, что в это самое время был у него Лыткин, который один из тех, которые более всего говорили против этого. Мы говорили, я кричал, как обыкновенно, но собственно беспокоился, как высказать это, как довести речь к этому. Лыткин, к счастью, сам навел: «Пишете?» — «Нет». Вскоре он встал уйти, я пошел с ним; на дороге (всего от Пантелеймона до Фонтанки было идти вместе 30 сажень) он снова спросил: «Что ж вы так скоро переменили намерение?» — «Я никогда и не имел твердого намерения

* Слова, отмеченные вопросительным знаком, написаны неразборчиво. Ред.

** Попустительство.